

духами и туманами, путаясь в шелках, была символом сложного этикета не только на балу в Зимнем, но и в любом светском салоне, а также алькове, до которого ещё надо было добраться после церемонного любовного сражения.

Да, когда-то мода требовала утончённых манер с сильным романтическим душком. Сейчас и то и другое одинаково неуместно. Вы ведь знаете, что американцы не дарят цветы женщинам, с которыми собираются спать? Что, я слишком грубо выразилась, надо было сказать «за которыми ухаживают»?

КОГДА-ТО МОДА ТРЕБОВАЛА УТОНЧЁННЫХ МАНЕР С СИЛЬНЫМ РОМАНТИЧЕСКИМ ДУШКОМ. СЕЙЧАС И ТО И ДРУГОЕ ОДИНАКОВО НЕУМЕСТНО

Уж простите, но в эту песню лишних слов не воткнуть. Никто ни за кем не ухаживает — всё это ушло вместе с кринолинами. И вообще, самое главное преступление в межполовых отношениях теперь не грубость, а сексизм.

Да, демократичные манеры пришли к нам из юной и чертовски богатой Америки, ещё в 1920-е годы. Уже тогда дух наглости и раскованности, культ непокорной молодости проник в Европу и заразил многих. Одним из носителей этого духа, вы не поверите, был принц Уэльский. По совести говоря, он был балбесом, и американская бесшабашность очень ему шла. Принц носил смокинги со спортивными свитерами и туфлями для гольфа, чудил разнообразно, любил джаз и в конце концов женился на американской разведнке Уоллис Симпсон, что было верхом неприличия. Если смотрели сериал «Дживз и Вустер», вы имеете полное представление о характере принца.

Итак, американская мода легко проникла в Британию. А ведь именно англичане всегда имели репутацию народа, помешанного на благовоспитанности. С французами

всё по-другому: они учтивы по природе своей, без лишних усилий. Англичане же вовсе не пай-мальчики и в душе всегда оставались пиратами, но тем больше гордились своим умением прятать бойцовский дух за внешней любезностью.

Однако 1920-е были только началом. Настоящий бум на демократичные манеры, поведение и моду начался в 1960-е годы. Лондон свинговал всеми возможными способами, как вспоминает один из публицистов-бытописателей: «Вернувшись в Англию 1968 года после трёхлетнего отсутствия, я был по-

трясён так, будто меня разбудили: кончился многолетний сказочный сон. В книгах печатали непечатное, в театрах играли нецензурное. Казалось, традиционные, строго разграниченные английские сословия смешались: лондонские гангстеры с чудовищными рожами выпивали в компании почтенных политиков со срезанными подбородками; вялые аристократы совокуплялись со здоровенными рабочими (в любом сочетании полов)».

Теперь, когда лорды оказались в шаговой доступности от гангстеров, вы думаете, последние бросились учиться у них манерам? Редчайшие экземпляры — да, но массовая мода состояла в прямо противоположном веянии: золотая молодёжь лихо начала подражать вульгарному говору лондонских гопников (кокни) и жаргону уголовников. И по сию пору процесс не прекращается. Это своего рода шик для мальчика голубых кровей — говорить, как рабочий парень из Ист-энда.

Новая мода незамедлительно влезла в английскую литературу (скажем, «Заводной апельсин» Энтони Бёрджесса) и вылезла на английскую же сцену. Сомерсет Моэм сетовал: «Рубленая, ломаная, уснащённая жаргоном речь, которую они (со-